

Председатель колхоза «Алга»*, плетущегося по всем показателям в конце районных сводок, рано утром собрал в своем кабинете главных специалистов и бригадиров хозяйства.

– Я созвал вас, чтобы сделать не совсем обычное сообщение, – сказал председатель, когда все расселись. Он помолчал и, поигрывая карандашом в руке, добавил с деланным пафосом в голосе: – Завтра нас посетит глава администрации района...

Специалисты, смотревшие на председателя с легкой тревогой, вызванной сбором в неурочный час, уперлись взглядами в его огромный полированный стол, затем переглянулись меж собой и пожали плечами – что ж, мол, в этом необычного, не впервой нам его видеть, к нотациям привычны, как-нибудь переживем его посещение и на сей раз.

– Вы скажете: ничего необычного в этом нет, – продолжал председатель. – Я вначале тоже так подумал, но вчера мне позвонил

начальник райсельхозуправления. Завтрашний визит, оказывается, связан с тем, что к нам собирается приехать крупный китайский бизнесмен...

– К нам – это в наш колхоз, что ли? – спросил Акрам, главный агроном.

Председатель бросил на него недовольный взгляд.

– Вот именно – в наш. Если бы в другой – зачем, спрашивается, я стал бы извещать вас об этом?!

– А что, интересно, этот бизнесмен тут потерял? – подал голос бригадир Мансур.

– Что потерял – скажет сам, когда приедет. Иными сведениями я пока не располагаю. Мы должны быть готовы к любому повороту событий, так что проверьте-ка, как обстоят дела на порученных вам участках работы. Акрам-агай, – обратился председатель к главному агроному, – свеклу на приемный пункт всю отправили?

– Всю. Я думал – на три машины наберется, а уместилась в две.

– Хорошо. Повторяю: у вас должна быть полная информация по сферам вашей деятельности. Невесть какие вопросы нам могут задать. Если что – никто не должен стоять разинув рот... Акрам-агай, этот застрявший в поле «ЗИЛ» вытащили или нет?

– Нет. Мощности одного трактора не хватило. Попросил у соседей «К-700», обещали сегодня отправить, попробуем вытянуть с его помощью. Крепко засел окаянный грузовик.

– Старье оно и есть старье. Новая машина не утонула бы так. Надо вытащить, пусть не торчит посреди поля, а то увидит Нурислам Нурлыгаянович и задаст нам перцу... Сабит-агай, когда коров на стойловое содержание переведем?

Главный зоотехник, сидевший на стуле сгорбившись, выпрямился.

– Думаю, еще с недельку надо попасть. Снег, похоже, в ближайшие дни не выпадет.

– Что ж, пусть погуляют. Как с надоями?

– Прибавки, понятно, нет.

– Не убавились, так и то ладно...

Председатель порасспросил еще бригадиров, как идут дела у них, и, завершая разговор, предупредил, что завтра соберет всех в это же время с отчетами о проделанной за сутки работе.

Специалисты и бригадиры разошлись в некотором недоумении. Никаких конкретных заданий они не получили, прозвучали, как всегда, общие слова, если не считать сообщения о предстоящем приезде главы районной администрации и неведомого китайского бизнесмена. «Самостоятельности вам не хватает, самостоятельно!» – любит повторять молодой

председатель, только вот никто не решается переадресовать его слова ему самому. Сам-то он в рот главе районной администрации смотрит, его волю ни в чем не преступит. К тому же никаких замечаний со стороны подчиненных не терпит, скажешь ему что-нибудь наперекор – начинает злиться, дескать, вы мне палки в колеса вставляете, словом, разговор принимает нежелательный оборот. А кто ж ему палки в колеса будет вставлять, когда колхоз и так еле дышит? Все ради него, колхоза, бегом готовы бегать, да толку от этого...

Главный агроном отправился проверять работу трактористов, поднимавших зябь. Главный зоотехник взял курс на берег Долгого озера, где сдохла телка, отравившись сваленными там еще весной минеральными удобрениями (об этом председатель пока не знает), труп надо переправить к скотомогильнику и закопать. Главный инженер выехал в райцентр за запчастями, которые не сумел добыть за две предыдущие поездки. Остальные тоже разошлись кто куда исполнять свои прямые обязанности.

Назавтра все, как было велено, явились утром в здание правления, а там, глядь, уже сидит глава районной администрации.

При коммунистах этот грузный человек долгие годы был первым секретарем райкома, сумел и ныне сохранить районную власть за собой, поэтому многим кажется, что он руководит районом извечно да так оно и будет до скончания веков. Создается впечатление, что Нурислам Нурлыгаянович, на какой бок его ни положи, тут же поднимется, как ванька-встанька, а если упадет, то по-кошачьи – непременно на все четыре лапы. С тех пор, как компартия лишилась

власти, в стране, республике и районе произошло множество перемен, порядочное число начальников сменилось, а он, казалось, ни в огне не горит, ни в воде не тонет. В глаза его называют по имени-отчеству, а за глаза на восточный манер – Хакимом, то есть Правителем. В работе Хаким больше берет горлом, может и руку на ослушника поднять, любит хорошо поесть-попить – это всем известно, а кое-кто осведомлен и о том, что путается он с чужими женами.

Когда специалисты устроились у председательского стола, Хаким поднялся, утвердил свое грузное тело на коротковатых ногах и, держа посаженную как бы непосредственно на плечи голову прямо, заговорил раскатистым басом:

– Хотя дела у вас идут неважно, стол у председателя шикарный, можно сказать, министерский... – Это он повторяет при каждом посещении колхоза, то ли издеваясь над председателем, то ли завидуя ему оттого, что у самого такого стола нет. – Товарищи, я привез вам важную новость: в ваш колхоз по делу государственного значения из Уфы приедет руководитель высокого ранга. Поэтому вы должны навести в хозяйстве идеальный порядок. От и до. Кстати, что за машина стоит у вас посреди свекловичного поля? – Хаким, сломав брови, обратил взгляд на председателя. Тот в свою очередь глянул на главного агронома – дескать, ты же должен был вытащить ее еще вчера, теперь вот выкручивайся сам. Акрам принялся торопливо объяснять:

– Хаким... э-э, простите, Нурислам Нурлыгаянович, машина засела там вчера вечером, пытались ее вытащить, да не получилось. Попросили у соседей «К-700», но он

был у них занят. Обещали одолжить сегодня...

– С чего же это она засела посреди поля?

– Угодила, груженная, одним колесом в яму, ну и...

– Вытащить, сегодня же вытащить! – Хаким перевел суровый взгляд с агронома на председателя. – Упомянутому мной руководящему товарищу, возможно, это будет сам министр сельского хозяйства, а если не сам, то его первый зам, поручено привезти в наш район, еще точнее – в ваш колхоз, крутого китайского бизнесмена. Приедут они через десяток дней. Что до этого вы должны сделать? Во-первых, – глава района загнул толстый палец, – выкосить бурьян вдоль дорог. Во-вторых, привести в порядок улицы аула, убрать разбросанные дрова, бревна и всякий мусор. Покрасить заборы, ветхие обновить. На въездных воротах вывесить красный транспарант с надписью: «Добро пожаловать, дорогие гости!» Чтобы все радовало глаз. От и до. И чтобы потом не пришлось мне выслушивать упреки из Уфы за то, что плохо встретили гостей. Ясно? Даю на все три дня срока. Соберите народ, разъясните ситуацию и – за работу!

Выйдя из правления и сев в смахивающую на броневик черную иномарку, руководитель района высунул наружу руку с воздетым вверх указательным пальцем и повторил: «От и до!» На Аллаха, что ли, он указал как на высшую контролирующую инстанцию – провозжающие не поняли, но сделали вывод, что придется попотеть.

Вечером жителям аула Хыбай, выделившимся два года назад из состава большого, объединявшего пять деревень хозяйства в самостоятельный колхоз «Алга»,

разъяснили, как было указано, ситуацию, и на следующий день они принялись красить, ремонтировать, обновлять свои заборы и строения, используя не только собственные, но и выделенные колхозом и районными организациями материалы. Было объявлено, что трудятся они не безвозмездно – колхоз начислит им за это зарплату. Кое-кто в ответ погорлопанил, дескать, все это – туфта, им насильно навязывают ненужную работу и зарплату за нее вряд ли кто получит, потому что уже более двух лет денег из колхозной кассы народ не видел, но горлопанов быстро успокоили, раздав всем по бутылке водки. Должно быть, в счет обещанной зарплаты. Так ли, сяк ли – в итоге горлопаны притихли и даже стали высказываться за то, чтобы высокое начальство приезжало из Уфы почаще, тогда и выпивки достанется побольше, и аул благоустроится.

Через три дня глава районной администрации приехал проверить, как выполнены его указания, оглядел аул, крутнулся по полям и был, в основном, удовлетворен переменами в лучшую сторону. Засевшую на свекловичном поле машину так и не сумели вытащить. Дабы не мозолила она глаза, завалили ее соломой – якобы поставили там стог. Хаким то ли не разгадал уловку, то ли все понял, но ничего по этому поводу не сказал. Проводив его, председатель колхоза вздохнул облегченно: ладно, руководящий товарищ из Уфы ничего не заметит...

Ранним утром следующего дня специалисты, придя в правление, застали там помимо своего председателя главу районной администрации, двух его заместителей и еще двоих незнакомых им людей.

Удивились: вечером, что ли, приехали да тут и заночевали? Проработав всю жизнь в колхозе, не сталкивались еще они с таким усердием начальства. Выходит, дело и впрямь серьезное, выходит, этот китайский бизнесмен – очень даже важная птица.

Председатель колхоза поднялся с места и, запинаясь, предоставил слово главе района. Тот представил собравшимся сидевшего рядом с ним гладковолосого, худощавого человека, назвав его заместителем министра, и, в свою очередь, предоставил слово ему. Прежде чем заговорить, замминистра одернул пиджак, поправил галстук, пригладил ладонью свои волосы.

– Товарищи, я приехал к вам с хорошей новостью. К нам, вернее к вам, приедет крупный бизнесмен из провинции Ляонин Китайской Народной Республики. Наша, то есть ваша, задача – встретить этого человека на должном уровне, ознакомить его с вашим хозяйством, устроить встречу со здешним народом. Между нашей республикой и провинцией Ляонин заключено соглашение о взаимном сотрудничестве. В нынешнем феврале там побывала наша делегация во главе с премьер-министром, подписала необходимые документы. В составе этой делегации был и я. Нам показали несколько крестьянских и кооперативных хозяйств, осмотрели мы также мельницу и сахарный завод. Теперь представитель этой провинции прибудет к нам с ответным визитом. Наше пребывание там прошло на высоком уровне, значит, и мы должны встретить их представителя соответственно.

– А с какой целью он приедет к нам? – несмело спросил главный зоотехник Сабит.

Замминистра прямого ответа не дал, начал издали:

– Вот передо мной ваши показатели за последние два года. И в животноводстве, и в растениеводстве дела у вас не блещут. Правительство приняло решение в порядке эксперимента передать земли некоторых слабых колхозов иностранным инвесторам. Не навечно, конечно, на двадцать пять лет. Министерство сельского хозяйства для начала выбрало вас, то есть вы станете зачинателями нового дела. Надо разъяснить решение правительства здешнему народу. Когда мы сможем поговорить с колхозниками? Хорошо бы – сегодня же...

– Давайте сегодня, – сказал Хаким, взглянув на председателя колхоза.

– Давайте, – согласился тот.

– Соберите народ во второй половине дня, до этого осмотрим ваши земли, – поставил точку в разговоре замминистра.

Гость из Уфы в сопровождении своего помощника, глав района и колхоза объездил колхозные поля и луга, затем, пообедав у председателя, все отправились в клуб. Там уже собрался народ.

Замминистра после того, как был представлен собравшимся, повторил со сцены клуба сообщение, сделанное им утром в правлении колхоза.

– Таким образом, – сказал он торжественно, – в соответствии с соглашением о взаимном сотрудничестве к нам, то есть к вам, придет видный представитель деловых кругов провинции Ляонин!

– А что этот китаец будет делать в нашем колхозе? – задал вопрос сидевший в первом ряду старик Файзулла.

Надо заметить, что старик Файзулла – человек, с точки зрения

колхозного руководства, вредный: он, как репей, готов прицепиться к каждому исходящему от начальства слову. На собраниях старик доказывает, что между руководством колхоза и народом, поскольку хозяйство у них коллективное, не должно быть никаких тайн, что наряду с председателем любой тракторист или доярка вправе знать, каковы доходы и расходы хозяйства, на что потрачена та или иная колхозная копейка. По его мнению, откровенный разговор именно об этом и должен быть целью общих собраний колхозников. Руководство побаивается его выступлений, колхозники, напротив, их одобряют, и, бывает, народ даже требует: давай выступи, врежь им как следует!..

– Я же сказал: он намерен взять земли колхоза в аренду.

– А зачем ему понадобилась наша земля?

Хай, этот старик Файзулла! Неужто не может посидеть спокойно? Впервые за всю историю аула в Хыбай приехал заместитель министра, да и тот, если не унять старика, уедет в расстроенных чувствах. Незаметно для сидящих за столом президиума председатель колхоза показал старику кулак: мол, заткнись, не высовывайся.

Но старик Файзулла вместо того, чтобы заткнуться, вскочил с места и, уставив указательный палец на председателя, разоблачил его при всем честном народе.

– Ты, кустым*, кулак мне не показывай! – рявкнул он. – Мне известно, что ты дал указание не приглашать меня на собрание. Мало этого, так еще грозишь тут кулаком человеку, который пятнадцать лет, вплоть до разъединения и разорения колхоза, успешно руководил им. Будь ты порядочным

руководителем, повел бы колхоз «Алга» вперед, а не тянул назад. Дурак я, что согласился посадить на свое место тебя!..

Глава района попытался утихомирить старика:

– Давай-ка, Файзулла Сагитович, не шуми попусту, дай товарищу заместителю министра возможность продолжить речь.

– Ты, Нурислам Нурлыгаянович, хорошо знаешь, что у меня нет привычки шуметь попусту! – отпарировал старик. – Вы же сами не можете толком объяснить, зачем китайцу понадобилась наша земля. Я пятьдесят лет набивал на ней себе горб, так неужто не вправе знать, по какому делу придет сюда этот господин? Колхоз принадлежит не только ему, – старик опять нацелил палец на председателя, – но и мне, – он ткнул пальцем себе в грудь, – и всем остальным, сидящим здесь. Коль ты, кустым, истинный председатель, скажи, не скрывая, какова цель этого китайца. Начальники уедут, а нам тут жить и работать, как бы потом не пришлось отвечать за все тебе.

– А что мне скрывать, – как бы обиделся председатель, – я знаю только то, что сказал товарищ заместитель министра.

– Файзулла Сагитович, не связывайся к нему, – заступился за председателя Хаким. – Было же сказано: придет посмотреть на ваши земли. Если понравятся, возможно, возьмет в аренду. Во всяком случае, таковы предварительные сведения.

– Вот ведь где собака зарыта! – воскликнул старик Файзулла. – Так я и подумал: хитрая у этого визита подоплека! Продать нашу землю решили!

Клуб загудел, собравшиеся принялись что-то доказывать друг

другу, кто-то присвистнул, кто-то протянул: «Да-а!..» Дошло наконец до всех, в чем суть дела. Китаец, выходит, намерен купить их землю, а Хаким и председатель выступят продавцами. Ну и замминистра, конечно, в этом замешан, иначе не сидел бы тут...

Поднялась с места Нагима, всю жизнь проработавшая на свекловичном поле и собиравшаяся нынче уйти на пенсию, накидала ворох вопросов:

– А почему вы не поговорили сначала с нами, не спросили у колхозников, поливавших эту землю своим потом? Председатель, наверно, знал, что нашу землю собираются продать. Почему он до сих пор ничего нам не говорил? Мы бы меж собой все обсудили, посоветовались, а тут вдруг приехали и приперли нас к стенке! Впрочем, наш молодой председатель живет по присловью: бык подохнет, так мясо будет, арба сломается, так на дрова пойдет. Но почему главный опекун земли, агроном наш молчит?

Все завертели головами, высматривая главного агронома. Главные специалисты и бригадиры, в их числе и Акрам, сидели, сбившись в кучку, чуть в сторонке от основной массы хыбайцев. Почувствовав на себе взгляды колхозников, они опустили глаза, будто заинтересовались вдруг своей обувью, и, хотя из загудевшего зала послышались требования, чтобы и они высказались, желающих выступить среди них не нашлось. Стало ясно, что им велено помалкивать.

Когда шум в зале несколько утих, опять поднялся присевший было замминистра.

– Правительством этот вопрос решен, так что необходимости в

вашем решении нет, – сказал он и, тут же поняв, что ляпнул не то что надо, натужно улыбнулся: – Мы ведь, апай, – обратился он к стоящей посреди зала Нагиме, – не собираемся отдавать землю бесплатно. Недавно Госдума приняла на рассмотрение проект закона о купле-продаже земли. Проект этот, безусловно, будет принят, и после того, как его одобрит Совет Федерации и подпишет Президент, он приобретет силу закона...

В зале снова поднялся шум-гам. Перекрыл его голос Нагимы, зазвучавший еще резче, еще требовательней:

– Пускай они сперва у нас спросят! Этот закон сперва должны рассмотреть мы, а не те, кто сидит в Кремле!..

– У нас – суверенитет, пусть Москва не суется в наши дела! – подал голос учитель Расул, прозванный Знаток.

– Продажной земли у нас нет, отвезите этого китайца в другой колхоз! – выкрикнул кто-то.

– Они вон на Дальнем Востоке прут и прут на российскую территорию, – заговорил вновь Знаток. – Наши пограничники их ловят, отправляют обратно, а они опять лезут. Настырные, как саранча.

– Люди, побывавшие в Уфе, рассказывают, что пооткрывали там китайские магазины и рестораны. Похоже, норвят все у нас захватить, – вставил слово старик Файзулла.

– Да уж, и до Урала добрались...

Свекловодка Нагима, обращаясь к сидящим на сцене, поставила еще один вопрос:

– Коль решено продать нашу землю, зачем мы красили заборы, наводили порядок в своих дворах? Сколько краски, досок, гвоздей извели! Что ж теперь – уедем отсю-

да, бросив все это?

Глава администрации района ударил широкой, как лопата, ладонью по столу. Хлопок получился такой, будто кинул он на стол толстую доску.

– Ну, хватит базарить! Хотя бы постеснялись товарища замминистра! Не каждый день он к нам приезжает!

– Кабы почаще приезжал, не оказался бы колхоз в таком состоянии! – тут же подхватил слова Хакима старик Файзулла. – А то взяли начальники моды: командовать из своих шикарных кабинетов. Прежде, в наше время, приезжали, вникали в работу, посоветоваться с нами не стеснялись. Скажи-ка, товарищ замминистра, начистоту: чего ради этот ваш китаец хочет завладеть нашей землей? Где лежит Китай, где Башкортостан, – что его сюда потянуло?

– Что ж, начистоту так начистоту! Вы как человек, пятнадцать лет руководивший колхозом, сами понимаете, что колхоз «Алга» плетется в числе отсталых хозяйств. Почему плетется? А потому, что не умеете работать. Привыкли при социализме ко всяким поблажкам и не можете приспособиться к рыночным законам. Нет у вас нового мышления, нет самостоятельности. Жизнь не стоит на месте, жизнь движется вперед, возврата к прошлому не будет. В новых условиях для района, для республики вы стали тормозом. Потому-то правительство, как я уже говорил, решило покончить с убыточными хозяйствами, передав их земли в аренду иностранным инвесторам. Арендатор, получив ее на двадцать пять лет, будет какую-то часть продукции сдавать нам, будет платить налоги, развивать инфраструктуру...

– А мы что – сами с этим не можем справиться? – прервал оратора старик Файзулла.

– Нет, не можете. Если б могли, уже справились бы. Вы – люди иной формации, психология у вас потребительская, ваше отношение к земле изменить невозможно. Чтобы изменить, нужна еще одна революция.

– Революция? Опять, что ли, устроим кровопролитие? Немало уж башкирской крови было пролито...

В это время из зала послышался вопрос:

– А мы, люди, что будем делать, когда землей завладеет китаец?

– Уместный вопрос! – замминистра вроде бы как улыбнулся. – На ваше усмотрение будут предложены два варианта дальнейшего развития событий. Первый – остаетесь в ауле и работаете на арендатора. Второй – он всех вас переселит в город. Если, значит, не захотите работать на него.

– Как это – в город, в какой город?

– В ближайший от вас город. Бизнесмен все расходы по переселению возьмет на себя и квартиры для вас купит.

– А что с нашими домами здесь будет?

– Они перейдут в собственность бизнесмена.

Люди, лишившись дара речи, стали переглядываться меж собой. Прежде не то что участвовать в таких делах – слышать о чем-либо подобном им не доводилось. Не верилось, что такое возможно. А вдруг возможно? Каждый подумал, что будет с ним, с его семьей, если в самом деле начнут переселять. Для одних, в первую очередь для тех, у кого дома обветшали, переселение в город

окажется выигрышным, а тем, у кого дома новые, бросить их будет ой как трудно. Что ни говори, столько сил, столько денег в них вложено, – как в одночасье откажешься от нажитого?

– А как со скотом быть? – растерянно спросила свекловодка Нагима. – В каждом дворе сейчас – две-три коровы, телочки, бычки...

– Это решать вам самим. Захотите продать – продадите, захотите пустить под нож – пустите. Повторяю: речь идет лишь о передаче земли в другие руки, и тут ни от вашего председателя, ни от главы района, ни даже от республиканского министерства сельского хозяйства ничего не зависит. Решение принято правительством, а решения правительства надо выполнять.

– Ладно, скот, положим, либо продадим, либо зарежем, для этого много ума не надо. А как прикажете быть с кладбищем, где лежат наши деды-прадеды, наши близкие? И в городе возникнут всякие проблемы: надо прописаться, устроить детей в ясли, школы, найти работу... – продолжал гнуть свое Файзулла.

– Это – ваши проблемы. Неужто вы сами не в состоянии разрешить их? Руки-ноги у вас есть, головы на плечах имеете...

Зал опять загудел. Глава администрации района встал, поднял руку, требуя тишины, но зал притих лишь после того, как он снова ударил ладонью об стол.

– Давай-ка, Файзулла Сагитович, не устраивай тут допрос! – потребовал Хаким. – На все твои вопросы товарищ замминистра уже ответил, об остальном спросишь у самого бизнесмена.

Тем не менее и после этого сидящим в президиуме было задано

немало вопросов. Когда начнется переселение, что из имущества взять с собой, что оставить, как все-таки быть со скотом – вот вокруг чего главным образом вертелся разговор. Коснулись и того, что надо написать о складывающихся тут обстоятельствах рассеянным по всей России сыновьям и дочерям и прочей родне, посоветоваться с ними, – как они на все это посмотрят? Мысли у хыбайцев путались, одни и те же вопросы они задавали вновь и вновь, удивлялись и недоумевали – ведь с подобными головоломными обстоятельствами они прежде не сталкивались, предстоящее было для них и ново, и странно, и чуждо. Замминистра и глава района на часть заданных вопросов ответить не могли, поскольку некоторые стороны затеянного дела и для них самих были темны.

Приезжие начальники отбыли домой. Три новенькие иномарки отъехали от ярко освещенного старого клуба, и народ смотрел им вслед, пока машины не свернули в переулок. Люди были растеряны, охвачены тревогой.

Неделю спустя глава района по телефону известил председателя колхоза, что китайский бизнесмен уже в Уфе, завтра приедет в райцентр.

– Мы его накормим и направимся к вам, ждите! – сказал Хаким.

Это была, конечно, не просто «хойенсе»*. Глава района напомнил, как должно встретить гостей. Ритуал встречи был обговорен заранее. Красивая девушка преподнесет хлеб-соль, рядом должны стоять два смуглых парня, сзади фон составит группа прилично одетых жителей аула. Хаким побаивается выговора сверху за

какой-нибудь недосмотр и на всякий случай готовит козла отпущения. Если что, скажет: я ведь дал указание и потом напоминал, как и что делать. Упаси Аллах от того, чтобы среди людей, которые составят фон, оказались подвыпившие или чем-нибудь недовольные. Недовольных следует предупредить, что их ждет угощение после отъезда гостей. Худо будет дело, если кто-нибудь вроде злоязычного Файзуллы сунется с ненужными вопросами. Кстати, неплохо бы под каким-нибудь предлогом отослать этого старика из аула куда-нибудь, неважно – куда. Ты, сказал Хаким председателю, сходи-ка домой к этой, как ее, Нагиме, выясни ее проблемы и пообещай разрешить их, возьми с нее слово помалкивать. В общем, продумай все как следует. Проведи со встречающими инструктаж, чтобы при встрече не ковырялись в носу, не стояли разинув рот и вытаращив глаза, будто никогда людей не видели. Народ у нас политически надежный, морально выдержанный, жизнью своей доволен, – вот эти прекрасные его качества мы и должны показать гостю из Китая. Администрация Президента будет интересоваться, как проходит его визит. Помни об этом.

Председатель расстарался: залучил в Хыбай участницу республиканского конкурса красавиц. Она в национальном наряде преподнесет хлеб-соль, не бесплатно, конечно, – за деньги. Нашлись для нее и подходящие ассистенты, из столичного танцевального ансамбля привезли двух стройных артистов...

И вот наступил торжественный день. Около полудня на прихваченной морозом ухабистой дороге со стороны райцентра показалась

вереница машин. Покачиваясь, как лодки, плывущие по волнам, они миновали Высокий мост, Долгое озеро и на большой скорости стали приближаться к аулу. Движение по большаку не могло остаться незамеченным в Хыбае, расположенном в низине, поэтому те жители аула, что были дома, прильнули к окнам, желая увидеть прибытие необычного гостя, а те, кто находился во дворе или на улице, устремили взгляды на дорогу, приставив руку козырьком ко лбу.

Вскоре передняя машина – белая милицейская «Волга» с синими полосами по бокам и мигалкой на крыше – остановилась возле правления колхоза, вслед за ней подъехала вторая «Волга», две иномарки и еще одна милицейская машина. Из первой иномарки стремительно выскочил парень крепкого телосложения, распахнул заднюю дверцу машины, и из салона вылез сначала уже знакомый хыбайцам замминистра, следом – простоволосый человек в легком черном пальто и блестящих туфлях. Никто из встречающих не смог бы точно сказать, сколько ему лет: фигурой он смахивал на подростка, а судя по лицу был человеком в годах.

Из второй иномарки выбрались Хаким и несколько незнакомых хыбайцам людей. Приезжие, поздоровавшись с вышедшими встречать председателем и главными специалистами колхоза, неторопливо вошли в правление. Спустя полчаса вышли оттуда, опять погрузились в машины и направились к клубу.

Несмотря на указание подготовить для ритуала встречи лишь небольшое число прилично одетых селян, площадь перед клубом оказалась запруженной народом. На крыльце стояла красавица, держа

на вышитом полотенце пышный каравай, рядом с ней – два смуглых парня в башкирской национальной одежде. Они радостно улыбались, будто встречали родного дядю, вернувшегося из долгого путешествия. Вылезшие из машин начальники неспешно двинулись по проходу, образованному раздвинувшейся толпой, к распахнутой двери клуба. Впереди шествовали замминистра, китаец и Хаким, с ними – два молодца спортивного вида, надо думать, телохранители. Молодцы поглядывали по сторонам, как настороженные гусаки, и легонько отталкивали назад высунувшихся из толпы зрителей.

Когда гости приблизились к крыльцу, артисты заиграли на кураях, красавица с караваем, продолжая улыбаться, сделала пару шагов вперед. Замминистра указал ей глазами на китайца, поднеси, мол, сперва ему. Бизнесмен тоже заулыбался, отщипнул от каравая кусочек, обмакнул его в соль и отправил в рот. Его примеру последовали остальные гости.

– Это и есть, что ли, долгожданный китаец? – проговорил кто-то в толпе.

– Он, должно быть. После войны Камил-агай каким-то образом угодил в Китай и вернулся только в шестьдесят первом году. Его, беднягу, до самой смерти называли «китайцем». Так вот он рассказывал, что народ там – щуплый, но шибко работающий, сажает рис, стоя по колено в воде. Этот, значит, земли нашего колхоза хочет купить.

– У них народу много, а земли мало. Видать, уже не умещаются там.

– Кто-то, вроде бы Знаток, говорил: их правительство из-за того, что они сильно размножились,

разрешает иметь в семье только одного ребенка. Умести-ка в стране больше миллиарда людей!

– Коль им тесно там стало, так непременно в Башкортостан, что ли, должны перебираться?

– На ботинки его посмотри, на ботинки! Как он по нашей грязи и навозу будет ходить?

– А ты думаешь – придется ему по грязи ходить? Наши начальники рядами лягут, но ступить в грязь ему не дадут.

Между тем гости вошли в клуб и поднялись на сцену. Выждав, пока народ разместился в зале и несколько успокоился, разговор начал глава районной администрации:

– Здравствуйте, товарищи! Ну вот, гость, которого мы ждали, приехал. Поприветствуем его на земле колхоза «Алга»! – Первым заплодировал сам Хаким, к нему присоединились сидевшие в президиуме, затем – собравшиеся в зале. – Имя нашего гостя... – Хаким взял лежавшую перед ним бумажку и, четко выговаривая каждую букву, прочитал: – Чжан Син.

Китаец встал, согнулся в вежливом поклоне, улыбнулся, при этом веки его узеньких глаз сомкнулись, от губ осталась только черточка. Когда он сел на место, Хаким предоставил слово заместителю министра.

– Товарищи, – заговорил замминистра, – вы все знали, что к нам, то есть к вам, приедет гость из Китайской Народной Республики. И вот он – перед вами. Он здесь не один, с ним приехали такой же, как сам наш гость, специалист сельского хозяйства и переводчик. Переводчик понимает и порусски, и по-башкирски, так что раскрывать рот следует, предварительно подумав. – Замминистра

с полуулыбкой на лице обернулся к гостям, дабы они поняли, что он пошутил.

– Товарищ замминистра, – высунулся, воспользовавшись паузой, старик Файзулла, – давайте-ка, прежде чем приступим к обмену мнениями, проясним одно обстоятельство. Каждый раз, когда заходит речь о земле, наши депутаты повторяют, что ни пяди земли у нас не будет продано. Известно ли им, что вы, ответственный работник министерства сельского хозяйства, собираетесь отдать ли, продать ли земли нашего колхоза человеку из эвон где лежащего Китая? Ведь это похоже на аферу...

– Дедуля!..

– Никакой я не дедуля! Меня зовут Файзуллой Сагитовичем. Если хотите знать, я – человек, полвека орошавший эту землю своим потом.

– Файзулла Сагитович, во-первых, это отнюдь не афера, меня, как говорится, конь в голову не лягнул, чтобы я, будучи заместителем министра, участвовал в сомнительных сделках. Во-вторых, визит гостя из Китая – мероприятие государственного уровня. Я при прошлой нашей встрече уже говорил об этом, поэтому не прерывайте меня, не вынуждайте повторять одно и то же по несколько раз!

После таких довольно-таки жестких слов в клубе установилась тишина, и, если не принимать во внимание еще несколько робких вопросов, собрание на этом и завершилось. Причина столь быстрого его свертывания заключалась в том, что бизнесмен должен был осмотреть угоды хозяйства. Как бы во избежание излишних разговоров и споров, сидевшие в президиуме быстренько направились к выходу, разместились в трех

невесть откуда взявшихся «уазиках» и уехали. А колхозники долго еще топтались перед клубом, горячо обсуждая случившееся.

Вечером, когда схлынули хозяйственные хлопоты, по аулу пробежались посыльные, вновь приглашая хыбайцев в клуб. Для того, как они объясняли, чтобы подвести итоги ознакомления китаец с колхозом, выслушать его мнение. Народ собрался дружно, пришли даже те, кто не присутствовал на собрании днем. Всем было интересно услышать, что скажет бизнесмен, как сложится их дальнейшая судьба.

Дабы не затягивать собрание надолго, слово сразу же взял замминистра. Свое выступление он закончил так:

– Полнейшая бесхозяйственность. Землю необходимо передать в крепкие руки. Будет приносить хоть какой-то доход, чем пропадать зря...

Речь китайского бизнесмена переводил на полурусский-полу-башкирский язык такой же щуплый, как он сам, молодой человек, вставший за его плечом. Иноземная речь звучала забавно, поэтому зал внимательно слушал не только переводчика, но и самого оратора.

По словам бизнесмена, земли колхоза ему понравились. Чем понравились? Речками и озерами, уремами и перелесками и тем, что со всех сторон прикрыты они от ветров горными отрогами. Однако, как отметил уважаемый заместитель министра, уголья основательно запущены, и для получения от них должной отдачи понадобятся немалые усилия и затраты. Если народ не возражает, он, бизнесмен, мог бы взять земли колхоза «Алга» под свою опеку.

Едва прозвучали эти слова, как в зале замаячила долговязая фигура старика Файзуллы.

– Товарищ бизнесмен, – обратился он к оратору, – как вы намереваетесь обрабатывать нашу землю, говоря конкретней, призовете людей со стороны или отдадите ее в аренду местным жителям? Ведь для получения высоких урожаев землю надо обихаживать. Пока вы переведете деньги, пока, возможно, переселите нас, доставите сюда других людей, технику, уже и зима пройдет, наступит весна. Для решения организационных вопросов вам, может быть, и года не хватит. Отдаленность вашей страны, отличный от вашего климат, плохие дороги, а также сомнительная готовность наших властей и здешнего народа помочь вам – не пугает ли вас все это?

Бизнесмен улыбнулся, затем лицо его посерьезнело. Он заговорил, посидев некоторое время в раздумье, и переводчик принялся переводить его ответ, мешая башкирские слова с русскими:

– Я понимаю, что, взяв в пользование ваши земли, взвалю на себя большую ответственность. В самом деле, для разрешения названных вами проблем придется потратить много времени, много средств, работать денно и ночью. Однако я трудностей не боюсь, я не был бы китаецем, если бы их боялся. Я часто бываю в России, в какой-то мере мне удалось понять ее менталитет. По-моему, главная беда россиян заключается в их самомнении, – вы не любите тех, кто действует умнее, у кого дела подвигаются лучше. Я это учитываю. А теперь я коротко отвечу на ваши вопросы.

Ваши руководители, наверное, довели, во всяком случае, должны

были довести до вас мое условие: если вы желаете переселиться, то должны уехать отсюда все, а если нет, то остаетесь тоже все. Если останетесь, естественно, будете работать на меня, получая заработную плату. В случае переселения я вашим трудоустройством не занимаюсь, лишь куплю вам городские квартиры – всем в одном доме...

– А что будет с нашими домами здесь?

– Оставьте их нам, а что с ними будет – уже наша забота.

И вновь народ пришел в замешательство. Невиданное и неслыханное предлагалось ему дело. Коль подумать, что это ему снится, так не может же присниться всему аулу один и тот же сон. Чудеса да и только! Большинство хыбайцев, наверно, склонятся в сторону переселения, в особенности – молодежь. Впрочем, и старики скорей всего согласятся переехать в город, потому что, как ни старались, сколько ни кряхтели на этой земле, в этом колхозе, пользы было мало, богатства себе не нажили. Существовали кое-как, растрачивая силы и здоровье.

– Надежды разбогатеть, работая на нового хозяина, нет, – сказал кто-то из сидевших в задних рядах. – И при коммунистах сулили нам золотые горы, да дело дальше этого не пошло. Так что лучше, пожалуй, уехать...

– Да, такая возможность вряд ли еще представится...

– Дык, коль не обманет, никого же убытка не понесем! В городе квартиры дорогие, а этот даром предлагает.

– Не совсем уж даром, здешнее-то ему оставишь.

– Эх, если бы этот благодетель объявился лет двадцать назад!

– Все лето маялись, собирая с картошки колорадских жуков, теперь, выходит, избавимся от этого, – удовлетворенно проговорила одна из женщин.

– И впрямь! – дружно поддержали ее товарки.

– Ай-хай, как бы не оказалось это какой-нибудь аферой! – раздался предостерегающий голос старика Файзуллы. – Встарь еще было сказано: продавший свою землю – Родину продал. Сколько воевали наши деды-прадеды, сколько крови пролили ради родной земли, а сегодня мы собираемся отступить от нее. Хоть бы уж своему баю отдать, в случае чего пошли бы потом на пятую. А так, если возникнет какое-нибудь недоразумение, в Китай, что ли, поедем разбираться? Вопрос тут, агай-эне*, очень сложный, давайте-ка не будем спешить. Семь раз, говорят, отмерь, прежде чем один раз отрезать.

В зале воцарилась тишина. Доводы бывшего председателя колхоза насторожили всех, по большому счету был он прав. В самом деле, потеряешь землю – потеряешь все. Хотя начальники и утверждают, что речь идет об аренде на двадцать пять лет, вероятнее всего, никто никогда сюда не вернется. С другой стороны, старшее поколение уже не проживет столько, сколько прожило, заманчиво старикам походить по асфальту, прожить остаток жизни в квартирах, где тебе и нужник тут же, и горячая вода из крана течет.

– Файзулла Сагитович верно говорит, не надо нам переселяться, – сказала молчавшая до сих пор свекловодка Нагима. – Деньги за землю все равно достанутся не нам. Хорошо ли, плохо ли, а дожили мы тут до нынешнего дня,

как-нибудь и до конца дней своих доживем.

– Для меня все это очень подозрительно, – вновь перехватил инициативу старик Файзулла. – Четверть века – срок немалый, поди угадай, кто из нас к тому времени будет жив, а кто нет. Не верю, что внуки наши потом сюда вернуться. А коль некому будет потребовать землю обратно, разве ж китайцы сами от нее откажутся? Согласившись уехать, мы совершим две непоправимые ошибки, больше того – два преступления. Во-первых, потеряем свою землю, во-вторых – свой язык. Родной язык сохраняется только в аулах, в городах приходит ему конец. От потери языка до исчезновения нации всего один шаг...

Глава районной администрации, видя, что разговор на собрании повернул не туда, куда надо, поднялся и привычно ударил ладонью по столу:

– Товарищи, не устраивайте базар! Гостя немного постесняйтесь! Вы же слышали, он предложил два варианта, все хорошо объяснил. Что же тут непонятного? – Хаким сердито оглядел зал, задерживая взгляд на лице чуть ли не каждого колхозника. – Мы это дело всесторонне обсудили у себя в администрации, рассмотрено оно и в министерстве сельского хозяйства. Не с бухты-барухты дело делается. Вывод таков: то, что вы называете продажей земли, для вас выгодно. Не за так ее отдаете – это раз, во-вторых, не навечно, а во временное пользование. Ты, Файзулла Сагитович, не пугай народ ссылками на историю. Новое время – новые песни. Не одни башкиры встарь за землю воевали. Что ж теперь, будем сидеть и высчитывать, кто больше крови пролил?

В общем, советую вам на прошлое не оглядываться. Прошлому – наши благодарственные молитвы, а думать надо о сегодняшнем дне и о будущем. – Хаким победоносно взглянул на заместителя министра, затем на старика Файзулла и вновь устремил взгляд в глубину зала. – Обдумайте все. От и до! Будете упираться, так уважаемый бизнесмен и в другой район может ведь уехать. Не упускайте выпавший на вашу долю исторический шанс!

Широкая ладонь Хакима еще раз опустилась на стол, как бы скрепила сказанное печатью. Народ, выслушавший его молча, снова загомонил:

– И вправду, такое счастье в другой раз не выпадет!

– Нечего артачиться, давайте переселимся!

– Агай-эне! – Это опять старик Файзулла. – Каким бы богатым ни был бизнесмен, вряд ли он сможет переселить в город весь Хыбай. Знаете, сколько там стоит жилье? Приезжали летом отпускники, рассказывали: в Уфе цена однокомнатной квартиры – триста тысяч. А сколько домов у нас в ауле? Больше двухсот. В каждом доме – пять-шесть человек, так? Стало быть, каждой семье потребуется трех- или четырехкомнатная квартира. Возьмем для расчета трехкомнатную, умножим триста тысяч на три. Цена такой квартиры, выходит, девятьсот тысяч, верно? Умножим это на двести, то есть на число домов в ауле. Итого – сто восемьдесят миллионов. Есть такие деньги в кармане бизнесмена? Нам он свой бумажник пока не показывал. В общем, вношу предложение: пусть он представит нам справку о своих доходах. Декларацию, стало быть. Кто знает, может, он какой-нибудь очковтиратель.

Вроде бы землю купит, а денег не заплатит. Из аула нас стронут, а квартир в городе не дадут. И будем мы, агай-эне, тыкаться туда-сюда, не зная, где правду найти...

Старик Файзулла говорил яростно, поскольку почувствовал, что большинство хыбайцев склоняется к переселению.

– Аб-ба, вон даже как может обернуться! Это каким же богатым надо быть, чтобы иметь столько денег? – сказал один из стоявших у входа и в удивлении пощелкал языком.

– Что-то тут нечисто, – сказал другой. – На что он рассчитывает, решив так потратиться? Может, золото или там нефть лежит в нашей земле, а он это пронюхал?

– Подловить бы этого богатея в темном месте да и проверить его карманы!

– Тише ты, еще услышит, и международный скандал обеспечен!

– Никак не пойму, зачем замминистра с Хакимом так стараются. Вроде ведь свои, а готовы ради иностранца вывернуться наизнанку.

– Взятку, наверно, сунул. Взятка – она кого хочешь вывернет...

Хаким снова поднялся, попытался унять гомон в зале.

– Товарищи, давайте-ка не будем говорить все враз! Тут сложились два мнения. Кто какое защищает – может сказать, выйдя на трибуну. Ну, кто возьмет слово первым?

В зале стало тихо-тихо. Ни у кого не хватало смелости выступить при больших начальниках. Люди переглядывались, тихонечко подталкивали друг друга – давай ты, нет, давай ты сам. В конце концов все взгляды скрестились опять же на бывшем председателе

Файзулле Сагитовиче. Тогда он встал, неторопливо поднялся на сцену и заговорил, не дожидаясь, пока Хаким предоставит ему слово:

– Односельчане, агай-эне, как я уже сказал, вопрос тут очень сложный. Надо хорошенько подумать, чтобы потом не пришлось каяться. Если мы сегодня сделаем неверный шаг, завтра будем кусать себе локти. Да, жизнь в городе полегче, из-за дров и сена там голова не болит, ухаживать за скотом не надо. Однако человек не может жить только сегодняшним днем, он обязан думать и о будущем. А будущее – это наши дети и внуки. Разлучив их с родной землей, мы отлучим их и от родного языка. Лишатся они языка – считай, и народу конец. Башкиры – народ, истари крепко привязанный к своей земле. Сколько войн ни накатывалось – сдвинуть нас с Урала никто не смог. Как раз любовь к родной земле и сохранила нас как нацию. Отобрать ее у нас силой не смогли, так пришлые стали выменивать ее на чай, сахар, улещая нас красивыми словами, прибирали к рукам наши владения. Из-за простоты своей оказались мы теперь в собственной республике третьими по численности. Если и дальше будем терять землю, народ наш исчезнет, потом и республику, ссылаясь на то, что башкир уже нет, переименовуют. Это – во-первых. Во-вторых, почему господин бизнесмен, приехавший, как говорится, из-за семи морей, положил глаз именно на наш район, на наш колхоз? Нет, что ли, в республике других районов, других хозяйств? Причина не только в отсталости колхоза «Алга», но и в мягкотелости главы нашего района и нашего председателя, а также, наверное, в том, что

другие места оказались господину бизнесмену не по зубам, – там крепко держатся за свое. С какой стати мы должны продать землю, на которой живем? Да, Госдума приняла проект закона о купле-продаже земли, но мы видели по телевизору: депутаты чуть не передрались. Коммунисты и аграрии покинули зал, отказавшись голосовать. Стало быть, понимают, что это гибельный для страны закон, что набегут к нам иноземцы. Закон еще не утвержден Советом Федерации, не подписан Президентом, а мы уже сидим тут на торгах. Что – боимся опоздать? Не опоздаем, придет время – и спрашивать у нас не станут, все распродадут. Сегодня мы уступим свою землю этому бизнесмену, а завтра явится другой китаец, либо японец, немец, француз, попросят земли соседних хозяйств. И ведь отдадут им! Вскоре, глядишь, и весь район, и даже республика будут уже не наши, завладеют ими иностранные богатеи. Короче, не должны мы, агай-эне, отрывать себя от своей земли, оторвемся – конец нам. Давайте проголосуем так и отошлем протокол Президенту. Иначе покажемся как перекаати-поле, лишимся исторической родины. Другие нации за землю воюют, к примеру, Израиль и Палестина, а мы сами собираемся чужакам отдать...

– Охо-хо, Файзулла Сагитович, вы прямо-таки целый доклад закатали! Из вас бы замечательный учитель истории получился, да занесло вас по ошибке в сельскохозяйственное производство, а? – язвительно сказал Хаким, поднявшись с места. Он вопросительно глянул на заместителя министра и на китайского бизнесмена, но те, удрученные выступлением старика, спрятали глаза, единомыслия

с Хакимом не выказали. Воспользовавшись некоторой растерянностью главы района, бывший председатель сказал:

– Каждый башкир должен знать историю своего народа так же, как своих предков до седьмого колена. Потеря памяти превращает людей в манкуртов*...

Хаким торопливо прервал старика:

– Давай прекращай пропаганду, твой поезд давно ушел. Сейчас у нас иная, соответствующая времени политика. Сегодня на первом плане – экономика, улучшение условий жизни, быта. Строительство новых домов, газификация, асфальтирование дорог куда важнее рассуждений о нации, о языке. Голодному и бездомному ни земля, ни язык не нужны.

– Мягко, Нурислам Нурлыгаянович, стелешь, да что-то народу от твоей политики жестко спать! – живо отреагировал на слова Хакима старик Файзулла. – Улучшать условия жизни надо, спору нет, но наряду с переустройством экономики мы обязаны заботиться и о том, о чем я уже сказал. Коль согласимся, что культура подождет, то и это потерпит, ничего путного у нас не выйдет – воз не стронешь с места, пока не закрутятся все четыре его колеса. Вы, нынешние руководители, напустили дыму, научившись выговаривать слова «перестройка», «новая политика», «современные взгляды», и вместо того, чтобы самим первыми взяться за осуществление своих лозунгов, налаживать производство, выбрали самый легкий путь – собрались вот избавиться от земли и связанных с ней забот.

Хаким побагровел, нервно отодвинул свой стул назад, но самообладания не потерял.

– Все это – демагогия, Файзулла Сагитович! – кинул он, стараясь выглядеть спокойным. – Ты сам довольно долго ходил в руководителях, что же тогда коммунизм в своем колхозе не построил? Почему, коль такой боевой, не претворил в жизнь требования, которые теперь предъявляешь? Легко критиковать, отойдя в сторонку!

– Когда я работал, колхоз был намного крепче, чем теперь. Кабы ты не бил по рукам, продвинулись бы еще дальше. Четверть века руководишь районом, а смотришь на него как чужак, душу в дело не вкладываешь. Твой стиль, твои методы передались и нашему егету*. К сожалению, никто не говорит тебе самому, что это твой поезд давно ушел. Будь ты дельным хозяином, дрался бы за каждый клочок земли, а ты ее продаешь!

– Не можешь простить, что сняли тебя с председательства, вот и брызжешь ядом!

– Я за эту должность не цеплялся, мне жаль только дел, которых не довел до конца...

Китайский бизнесмен начал ерзать на стуле, поглядывал на главу района, выражая недовольство затянувшейся перепалкой. Замминистра, тоже сидевший как на иголках, пытался прекратить ее, подавал знаки Хакиму, но, видя, что тот на это не реагирует, вынужден был подняться.

– Хватит! – сказал он резко. – Продолжите дискуссию меж собой вдвоем, мы собрались здесь не для того, чтобы слушать ваш спор, а для решения важного вопроса. Дайте возможность высказаться другим.

Свекловодка Нагима подняла руку.

– Коли так, скажу-ка несколько слов и я...

Хаким пригласил ее на сцену, но Нагима, несмотря на его уговоры, осталась в зале.

– Файзулла-агай прав, – заявила она, – продав землю, на которой родились, мы лишимся всего. Не надо думать, будто переедем в город и тут же станем счастливыми. Там другая жизнь, тяжело будет привыкать к ней. А самое страшное – то ли вернут нам землю через двадцать пять лет, то ли нет. И дома наши к тому времени погснут, да еще пришлое люди невесть что понастроят. Мое слово: не страгиваться с места!

– Ладно, понятно, – прервал свекловодку Хаким. – Кто еще желает высказать свое мнение? Все за то, чтобы остаться в ауле? А как молодые думают? Они тоже добровольно отказываются от цивилизации?

– Я, к примеру, за переезд, – отозвался на слова Хакима один из парней. – Большинство молодых думают, как я. Потому что в ауле нет работы, а если есть работа, нет денег. Мы вечерами маемся, не знаем, куда себя деть: клуб редко когда откроют, кино к нам не привозят, игры некому организовать. Молодежь, говорите вы, пьет, скандалит, устраивает драки, так не оттого ли, что очагов культуры не имеем? А в городе все есть. Цепляться за землю – это пережиток прошлого. Другие нации стремятся жить в городах. Те же, к примеру, русские, евреи, татары. Мы хуже их, что ли?

Хаким удовлетворенно вскинул руку:

– Вот! Нашелся наконец человек, понимающий требования времени! Вопрос поставлен правильно, жизнь на селе действительно тяжела. Дело идет к тому, что со временем аулов, деревень вовсе не

будет. Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше. Нам и в самом деле нельзя отставать от других наций. Национальные проблемы, о которых говорил Файзулла Сагитович, решаются в городах, а не в Хыбае.

Высказались еще пять-шесть человек, – кто за передачу земли бизнесмену и переселение в город, кто – против. Файзулла Сагитович кидал реплики с места, его точку зрения поддерживали свекловодка Нагима и учитель Расул, а возражало им молодое поколение аула.

Общее собрание колхозников колхоза «Алга», решавшее вопрос о судьбе своей земли, затянулось надолго. Народ притомился, устали и сидевшие в президиуме. Хаким объявил, что обмен мнениями, коль нет больше желающих выступить, прекращается, но собрание еще не закончилось, и кивнул кому-то. И тут же проворный управделами районной администрации пошел по рядам собирать подписи на каком-то заранее подготовленном листе бумаги. Не ожидавший этого народ подрастерялся. Люди, недоуменно переглядываясь, стали расписываться, да и как не распишешься, если тебе в руку суют карандаш и поторапливают: давай-давай, что тут раздумывать, и так засиделись. Кое-кто, правда, поартачился, мы ведь, дескать, не голосовали, рук не поднимали, зачем такая спешка, надо бы еще помозговать, но под напором человека из команды Хакима все, кроме старика Файзуллы и свекловодки Нагимы (учитель Расул не в счет, он не колхозник), вынуждены были расписаться напротив своих отпечатанных на листе фамилий. Таким вот образом усталые, замороженные долгоговорением хыбайцы вынесли сами себе

приговор. Старик Файзулла наблюдал за своими односельчанами в изумлении, попробовал удержать от опрометчивого шага кое-кого из сидевших рядом, – что, мол, вы делаете, опомнитесь – но никого не удержал. В конце концов, махнув на все рукой, встал и ушел из клуба со слезами на глазах.

Спустя два дня четыре человека (свой бригадир, кроме него – русский, китаец и незнакомый башкир) прошли по домам, определили стоимость строений, вымерили дворы и огороды, иногда справляясь, хотя хозяева переселяться или нет. На ответе, впрочем, не настаивали – ведь подписавшись в той бумаге, весь аул уже дал согласие на переселение.

А еще через неделю прибыли мощные грузовики (колхозу бы такую технику!) для перевозки имущества переселенцев в город. Ахнули хыбайцы, пораженные невиданной доселе оперативностью. Тем из них, кто пытался пойти на попятную, показывали бумагу с их собственноручными подписями, если же человек продолжал скандалить и после этого, его выдворяли из дома силой. Старик Файзулла запер свои высокие ворота, дабы никого к себе не допускать, но и к нему проникли через задворки и заставили покидать вещи в грузовик.

Еще до первого снегопада более двухсот семей, отрешенных от своих домов и надворных построек, от просторного колхозного зернотока, машинно-тракторного парка, средней школы, магазина и трех животноводческих ферм, переселили в только что построенный двенадцатизэтажный с шестью подъездами городской дом. Застрявший на свекольном поле «ЗИЛ» остался стоять, заваленный

соломой, – трактора, чтобы вытянуть его, так и не нашли. Впрочем, никто им и не занимался, – до

старенькой ли колхозной машины, когда происходят столь значительные социальные перемены!

II

Для бывших односельчан все теперь было внове: и горячая вода из крана, и нужник прямо в квартире, и электроплита для варки-жарки вместо деревенской печки. Дрова таскать не надо, мусор кидай в трубу, магазин – и тот в своем доме. Изумлялись старики – до чего же легка городская жизнь, возносили благодарения китайскому бизнесмену, сожалел, что этот посланец Божий не явился раньше. Оказывается, заблуждались они в деревне, полагая, что так и должно жить, а на самом деле не жили – существовали, настоящая-то жизнь – она в городе.

Все же поначалу и в городе пришлось помаяться. Немало хлопот доставило устройство детишек в ясли, детсады, школу. Только рассовали их – перед самими, в первую очередь перед представителями мужского пола, встала во весь рост проблема устройства на работу. Никто их тут не ждал с распростертыми объятиями, куда бы ни толкнулись – нет рабочих мест. Однако хыбайцы – народ настырный, заворачивали их назад от одной двери, так они стучались в другую. Раньше всех трудоустроились те, кто работал в колхозе шофером, трактористом, механиком, у кого руки были вставлены как надо, затем – счетные работники, младший медперсонал и, наконец, учителя. Последними устроились председатель колхоза с помощью знакомого замминистра в системе министерства сельского хозяйства, главный агроном Акрам

– в ботаническом саду, бригадир Мансур каким-то образом пробился в нефтяники, начал летать в Сибирь на работу вахтовым методом. Знатока приняли преподавателем в городскую башкирскую гимназию. Попробовал поискать работу и старик Файзулла, да сколько ни старался – не нашел. Свекловодке Нагиме, не успевшей уйти на пенсию в ауле, пришлось до Нового года покурсировать меж городом и райцентром. Молодым хыбайцам стал досаждать повестками военкомат, готовя их к предстоящему призыву в армию, а пока что они заводили подружек среди городских девчонок, в то же время городские ребята примеривались к их односельчанкам. Таким образом, весь бывший колхоз «Алга» перенесся в чуждый ему прежде мир, принялся приспосабливаться к нему.

По первости хыбайцы часто заглядывали друг к дружке – то одно понадобится, то другое, любопытствовали: как у вас тут, устроили ли ребятешек, как сами устроились? Когда быт несколько наладился, встречаться стали все реже и реже – каждый ушел с головой в свои заботы.

Минули Новый год, январь, февраль, и общение опять оживилось: повеяло теплом, людей потянуло во двор, где от ноздреватого снега запахло весной. Сидели на скамеечках, мужчины при этом сосредоточенно курили, глядя в землю, женщины предавались воспоминаниям. Меж воспоминаниями

о покинутом ауле заходили порой разговоры и о забавных случаях из городской жизни. К примеру, две молодки, проснувшись на рассвете, схватили ведра, пошли «доить коров» и, только столкнувшись на лестничной площадке, сообразили, что попали в смешное положение.

Может быть, из-за этих разговоров и воспоминаний стала нарастать как снежный ком тоска по утраченному. Тоска породила недовольство нынешней жизнью. Посудили-порядили и пришли к мнению: надо посмотреть, как там, в ауле. Но пусть, сказал старик Файзулла, сперва съездят на разведку бывший молодой председатель с бригадиром Мансуром, они, что ни говори, люди шустрые. Когда вернутся, будет видно, что делать дальше.

«Разведчики» вернулись к вечеру следующего дня. Разослав ребяташек по квартирам, созвали народ во двор и сообщили, что аул... исчез. Нет больше Хыбая. Люди на некоторое время лишились дара речи, смотрели на бывшего председателя и бригадира разинув рты, заторможенно вникая в смысл невероятного сообщения. Затем будто прорвало плотину, на бедняг-вестников обрушился вал яростных чувств, гневных восклицаний и вопросов:

– Как это – нет?!

– Наверно, сбились с пути и не туда попали!

– А может, и не ездили, сидели выпивали в каком-нибудь кафе!

– Куда же он делся?

– Ни одного дома, что ли, не осталось?..

Народ расшумелся, одни негодуя выкрикивали не разберешь что, другие в недоумении покачивали головой, третьи заспорили

меж собой, дошло дело до резкости типа: дурак – сам дурак. Топтавшихся в живом кольце «разведчиков» обстреливали вопросами, пока не прозвучал призыв старика Файзуллы:

– Дайте же им объяснить все толком!

Примолкли. Но вот беда: молодой экс-председатель растерялся, никак не мог заговорить, шмыгал носом, потирал носки ботинок один о другой и вид имел такой, будто в исчезновении аула виноват он. Бригадир Мансур, человек понаходчивей, решил внести ясность сам:

– Аула и вправду нет. Вместо него построили город.

– Как, то есть, город, какой город?

– Ну, вроде этого, – Мансур повел подбородком, указывая на окрестности. – Улицы заасфальтированы, автобусы, троллейбусы по ним ходят...

– Китайцы построили, – обрел наконец дар речи экс-председатель.

– Еще один Китай-город! – воскликнул учитель Расул.

– А это как понимать? – спросил кто-то.

– Китай-город-то? Китай-город – это район, охватывающий Красную площадь и кварталы к востоку от Кремля.

– В Москве, что ли?

– В Москве.

– А почему так называли?

– Точно не скажу, но, возможно, потому, что жило там много восточных людей, в том числе – китайцев.

– Значит, китайцы не только до нас, но и до Москвы добрались?

– Да, это так... – подтвердил учитель Расул. Ему представился случай показать, что не зря прозвали его Знатоком.

– Погоди-ка, Знаток, пусть объяснят, куда делся наш Хыбай.

– Да им, наверно, привиделось, или занесло их в какой-нибудь другой город! Разве за такой срок город построишь?

– Не верите, так съездите сами, посмотрите, – обиделся бригадир Мансур. – Мы сперва тоже глазам своим не поверили. А осмотрелись – все остальное на месте: и Высокий мост, и Долгое озеро, и Сайтова гора, и Макарьева поляна, и речка наша, и кладбище...

– Фантастика какая-то!.. А люди-то там есть?

– Да полон город!

– Башкиры?

– Одни китайцы.

– Я ж говорю – Китай-город! – вставил слово Знаток.

– Значит, из Китая навезли.

– Должно быть, так, а то откуда бы взялось столько китайцев.

– Да-а... Они не то что мы – не ленивые. Говорят, китайцы – самый трудолюбивый народ в мире.

– Первые по этой части – японцы, а уж потом – китайцы, – уточнил Знаток.

– Надо же, еще и полгода не прошло, как мы уехали...

Помолчали в раздумье.

– Говорил я вам, агай-эне: не надо спешить. А вы повели себя как стадо баранов. Надоело, видите ли, ходить по грязи и навозу. Захотелось в квартиры с удобствами. Поняли теперь, что, позарившись на малое, потеряли великое? – вспыхнул вдруг старик Файзулла, но не удовлетворение тем, что оказался прав, а горечь звучала в его голосе.

Никто ему не ответил. Все молчали, пришибленные его правотой.

У многих на глаза навернулись слезы. Многим было стыдно, никто ведь, кроме старика Файзул-

лы, не поднялся на том собрании на сцену, не занял твердую позицию. Главных специалистов и членов правления Хаким, оказывается, строго предостерег тогда от выступлений – об этом они сами рассказывали после переселения в город.

– Слушайте-ка, по присловью, не стоит разуваться, пока не увидишь речку, – сказал бывший главный зоотехник Сабит. – Давайте съездим гуртом, посмотрим, поищем пути возвращения домой.

– Как же, найдешь! – усмехнулся старик Файзулла. – Вырви-ка теперь из зубов этого китайца то, что сам ему в рот положил.

– Файзулла-агай, есть Хаким, есть замминистра – потребуем у них вернуть нам наш аул.

– Есть еще и международные организации, – подсказал Знаток.

– У замминистра с Хакимом рыльце в пуху. Думаю, получили от китайца солидный куш...

Проговорили дотемна, выработали такой план: отправятся в поездку скопом, наняв для этого автобус. Отыщут обманщика – бизнесмена, откажутся от заключенного с ним соглашения, потребуют вернуть их назад, в аул. Если из этого ничего не выйдет, направят делегацию к министру сельского хозяйства. Знает ли он, какими делами занимается его заместитель? Коль не знает, так пусть узнает и позаботится о возвращении хыбайцам земель колхоза «Алга». В крайнем случае обратятся к Президенту. Кто-кто, а он, человек, избранный народом, в помощи не откажет...

Сказано – сделано. Некоторое время спустя бывшие односельчане, а в последние полгода – горожане, набившись в автобус, покатались в родную сторонку.

Середина апреля. По земле шествует весна. Дорога уже очистилась от снега, местами поблескивают на ней огромные лужи, окрестные пригорки пестры от проталин. А воздух какой! Он щекочет ноздри, вливает в тело и душу свежие силы, радуя вкусным запахом оттаявшей почвы. Перемены в природе навевают на пассажиров автобуса легкую грусть, вызывая воспоминания о других, давних веснах, будоражат их тоску по родным местам. Каждый из них сам про себя удивляется, как мог он променять эту божественную красоту, это светлое приволье на городскую тесноту, на добровольное затворничество в четырех каменных стенах, и утверждает в мысли: надо, непременно надо вернуться назад. Садись хыбайцы в автобус шумно, возбужденно, а с приближением к знакомым с детских лет местам все более впадали в задумчивое состояние, лишь изредка рассеянно перебрасывались отрывистыми фразами. Наверное, и в ауле, думалось им, хозяйничает весна: капает с крыш, снег во дворах растаял, за сараями вылезли из-под сугробов навозные кучи, оголилась земля в огородах. Хотя председатель с бригадиром (они все еще представляются в прежних своих должностях) и утверждают, что аула уже нет, никто этому не верит, не уместается это в голове, – не может быть, чтобы Хыбай, насчитывавший более двухсот дворов, исчез с лица земли.

А на бывшей территории бывшего колхоза «Алга» весна разгулялась вовсю, погода тут, видать, стояла потеплей, снег сошел с полей, дороги подсохли, в воздухе настоялся горьковатый аромат набухших почек, и – самое удивительное – уже начали сеять.

По сырту*, напоминающему спину огромного животного, а потому и названного Спиной, несколько тракторов, не наших, таскали за собой, вздымая пыль, сцепки сеялочных агрегатов. У пассажиров автобуса глаза округлились. Даже в самые ранние весны хыбайцы не решались приступить к севу так рано, а эти...

Проехали через небольшой осинник, дорога пошла по сырту, заворачивая к аулу. Слева – мелкий дубняк, справа – луговина, пригодная для пастьбы скота. Скоро на склоне сырта покажется кладбище, а там уж – сам аул.

Один из сидевших впереди мужчин сказал водителю – давай, мол, завернем к кладбищу, тот согласен кивнул и, свернув немного погоя направо, остановил машину у кладбищенских ворот. Все вышли из автобуса. Раскрутили толстую проволоку, которой были замкнуты ворота, ступили на священную землю, покрытую полусгнившей прошлогодней травой и опавшими листьями, пахло в лицо тленом, а глазам открылась печальная картина: часть надмогильных камней покривилась, срубы давних захоронений разрушились, железные оградки, поставленные позже, осели.

Люди разбрелись по кладбищу, постояли, отыскав могилу отца, или матери, или кого-нибудь еще из близких, утирая слезы, кто бормоча слова запомнившейся в детстве молитвы, кто высказывая благодарность родителям за дарованную ими жизнь, кто прося прощения за вольные или невольные прегрешения. В свой срок их тоже предадут земле, и многие, наверно, коль придется доживать остаток жизни в городе, заранее попросят привезти их сюда, похоронить здесь...

Автобус вновь выехал на большак. Пассажиры в нетерпении привстали – вот-вот покажется их аул, их речка с высокими осокорями и тальниковыми зарослями на берегах, чуть дальше – пруд... Но поднялись на небольшой увал, и... вместо аула предстали перед ними многоэтажные дома, заводские трубы, журавлиные шеи башенных кранов, автобусы и троллейбусы, катящиеся по асфальтированным улицам. Китай-город! Пассажиры застыли, разинув рты. Сообщение «разведчиков» подтвердилось. А ведь не поверили им, ну, иные допускали, что где-нибудь в стороне строится что-нибудь вроде города, а чтоб куда-то подевался такой большой аул – поверить в это было невозможно. Тем не менее... А может быть, это – галлюцинация, или куда-то не туда заехали? Нет, вон знакомые осокори и тальники, окрестности свои и кладбище, на котором только что побывали, свое...

Первым подал голос бригадир Мансур:

– Говорил ведь я вам, что аула нет, а вы... – Мансур, казалось, был доволен тем, что взял в споре верх.

– О, Господи!..

– Это что ж такое, а?

– Как ухитрились за полгода столько понастроить? Может, какой-нибудь НЛЮ сюда прилетел?

– Никакой не НЛЮ, сами построили. – Это Знаток. – Сказал же китаец тогда в клубе, что у них другой менталитет.

– Файзулла-агай говорил, что у него столько денег не найдется, а выходит – нашлось.

– Тут не только деньги были нужны, но и кое-что другое. Техника, люди, натиск, расторопность. Расторопный народ, эти китайцы.

– Да, они – не то что мы, от другой, видать, обезьяны произошли.

– А куда, интересно, делись наши дома?

– Может, внутри Китай-города оставили?

– Как же, оставят тебе! Наверно, разобрали и выкинули или в Китай отправили.

– У меня дом был совсем новый, только в прошлом году достроил...

– Что ни случись – все башкиру в убыток!

– Ладно, сколько лясы ни точи – прибýtка не будет, – сказал старик Файзулла. – На месте разберемся.

Между тем автобус подкатил к окраине Китай-города. Водитель обернулся к сидевшему впереди пассажиру:

– Дальше куда?

– Откуда мне знать, я, как и ты, тут первый раз. Давай попробуем по этой улице, наверно, приведет к центру. Нам администрация нужна.

Покатили по улице. Под колесами – асфальт, тротуары тоже покрыты асфальтом, меж ними и проезжей частью разбиты газоны и цветники, высажен мелкий кустарник. И удивительней всего, что по этой чистенькой, ухоженной улице снуют туда-сюда низкорослые проворные люди. Лица у них желтые, глаза узкие, все одеты одинаково и похожи друг на друга, как близнецы. Китайцы, короче говоря. И хоть бы один башкир или русский среди них встретился для разнообразия – все веселей стало бы на душе. Значит, этот бизнесмен одних только своих сюда навез. Хаким и замминистра утверждали, что отдают ему землю в аренду на двадцать пять лет, что будет он ее обрабатывать, сдавать

продукцию и платить налоги, а на счет строительства города ни слова не было сказано. Как их прогонишь отсюда через двадцать пять лет? Упрутся, скажут – вон что мы из ничего сотворили. Войско, что ли, придется привести сюда? Но тогда большая война начнется, польется кровь...

Выехали на довольно просторную площадь. В центре площади – симпатичное, хоть и необычное для здешних мест здание под крышей с загнутыми вверх краями. Стены у здания серые, а окна почему-то разновеликие. Перед зданием высажены голубые ели, на клумбах уже пламенеют цветы. Все тут на своем месте, во всем видна завершенность замысла, чувствуется воля человека, приверженного к порядку и красоте.

– Должно быть, это и есть их мэрия, более подходящего здания не видать, – вывел из своих наблюдений старик Файзулла.

Автобус остановился, пристроившись к аккуратному ряду легковых машин.

– Как забавно построили этот дом, – сказала свекловодка Нагима, когда пассажиры ступили на асфальт.

– Это называется – пагода, – отозвался Знаток. – Китайцы все строят на такой манер.

– Зачем?

– Они думают, что темные силы, нападающие на дом, отлетают, ударившись о такую крышу. Своего рода мера предосторожности, принятый в древние времена обычай.

Все еще не веря в исчезновение Хыбая, односельчане поглядывали по сторонам, выискивали хотя бы какие-нибудь следы аула. Старик Файзулла, остановив прохожего, спросил, здесь ли обитает городская

администрация. Тот его не понял, пожал плечами и, виновато улынувшись, поспешил дальше. Второй тоже непонимающе покачал головой. Видя, что таким путем ничего не добьется, старик решительно направился к зданию, как он предположил, мэрии. Остальные последовали за ним. Не успели дойти до крыльца, как дорогу им преградил человек в униформе.

– Мы – жители здешнего аула, приехали повидаться с господином Чжан Сином, – сказал старик Файзулла, остановившись. Сказал по-русски и не ошибся: тот, оказалось, по-русски понимает.

– Сначала вернитесь назад! – сердито приказал блюститель порядка, указывая рукой на низенькую металлическую оградку, которую приезжие перешагнули, не придав ей никакого значения. А перешагивать ее, выходит, не положено. Холодный тон представителя власти, его резкие жесты не оставляли места для спора. Тем не менее бывшие хыбайцы загомонили, выражая недовольство.

– Аб-ба, какой крутой, а?

– Крепкая, видать, у них дисциплина, не анархия, как у нас.

– Вот стыдобушка-то – на своей земле терпеть такой срам!

– Без всякой войны захватили!..

– Это называется – экспансия, – вставил Знаток.

– Говорил я вам: не надо спешить. А вы сидели в клубе, пряча головы за спинами друг друга. И в городе не спохватились сразу же. – Старик Файзулла отыскал взглядом молодого экс-председателя, затем бригадира Мансура. – Я ведь к вам несколько раз обращался: давайте съездим в аул, посмотрим, что бизнесмен затевает. Не послушались. Ничего вам не надо! Кто знает, если бы сразу после

переселения заявили, что отказываемся от соглашения, может, и не допустили бы этого строительства.

Когда вернулись на ту сторону оградки, старик Файзулла, обратившись к охраннику, повторил:

– Нам надо войти туда, повидаться с господином Чжан Сином.

Блюститель порядка вынул из кармана небольшой черный телефон и, набирая номер, справился:

– По какому вопросу приехали?

– Мы – жители аула Хыбай, стоявшего на месте этого Китайского города, хотим поговорить с господином Чжан Сином, купившим земли нашего колхоза.

Охранник на своем языке доложил кому-то о желании хыбайцев, и минутой-другую спустя перед толпой предстал юркий китаец. Он поздоровался, приложив руку к груди. Однако это был не Чжан Син, а, надо полагать, кто-то из чиновников администрации.

– Зачем вам нужен господин Чжан Син?

– Мы не согласны жить в том городе, куда он нас переселил, хотим вернуться сюда. Приехали, чтобы сообщить ему об этом.

– Но ведь селения, в котором вы жили, теперь нет, как же вы вернетесь сюда?

– Пусть переселит в этот город.

– Насколько мне известно, такого пункта в соглашении нет. Республика у вас большая, вы можете переселиться куда угодно, только не сюда. Здесь теперь территория Китайской Народной Республики.

– Разве внутри республики может быть территория другого государства? Здесь извечно была башкирская земля.

– Вполне возможно, но теперь она наша.

Толпа зашумела, – понятно, такую наглость стерпеть молча было невозможно.

– Ты погляди, как он разговаривает!

– Скажи, Файзулла-агай, пусть на худой конец разрешат нам поселиться на окраине города. А то, скажи, в суд подадим, в Уфу, к Президенту поедем.

– Что там в Уфу – в Москву! Мы ведь, хоть и башкиры, народ то российский.

Старик Файзулла, не оборачиваясь, поднял руку, и гомон прекратился.

– Все же нам повидаться бы с господином Чжан Сином.

Китаец вскинул брови, в его узких глазах блеснула хитринка. Немного помолчав, он ответил:

– Господина Чжан Сина пока здесь нет, могу позвать его заместителя по новым территориям.

Не оставалось ничего иного, кроме как согласиться с ним.

– Позовите...

Чиновник поклонился и, живенько развернувшись, ушел в здание, а через пару минут вышел оттуда с другим китайцем, который был чуточку выше, чуточку толще и на вид чуточку старше.

– Слушаю, – сказал этот, другой, по-русски.

Старик Файзулла повторил то, что сказал первому китайцу. Этот выслушал его, не прерывая, затем, раскрыв вынесенную в руке черную папку, достал из нее сложенный вдвое лист бумаги.

– Откровенно говоря, мы вас ждали, рано или поздно вы должны были появиться. – Китаец сделал небольшую паузу. – Вот соглашение, заключенное между господином Чжан Сином и колхозом «Алга». Оно подписано всеми, кто на тот день состоял в колхозе, начиная с председателя.

– За исключением двоих, – сказал старик Файзулла.

– Верно, за исключением двоих, – подтвердил китаец, глянув в бумагу. – Но это дела не меняет, поскольку подписало большинство.

Бумага плотная, гладкая, в ней текст на трех языках – русском, башкирском и китайском, две последние страницы пестры от подписей хыбайцев. Кажется, та самая бумага, с которой шустрый управделами ходил в клубе меж рядами.

– На основании этого соглашения все земли колхоза «Алга» перешли в наше ведение, то есть в ведение Китайской Народной Республики, – продолжал чиновник. Говорил он по-русски чисто, четко выговаривая слова. – Ваши претензии безосновательны. Для нас главный документ – это соглашение, как, впрочем, и для вас.

– Соглашение можно пересмотреть.

– Нет. Это оговорено.

– Не разрешите ли посмотреть документ?

– Пожалуйста.

Старик Файзулла пробежал взглядом по отпечатанным на машинке фамилиям и росчеркам справа от них. Басиров, Бирдегулов, Гафаров... Лишь напротив его фамилии и фамилии Нагимы подписей нет. Все верно. Только, кажется, это не оригинал документа, а копия. Китаец, бережно вложив возвращенный лист в папку, достал оттуда еще одну бумагу.

– А это – банковский документ о перечислении денег за ваши земли.

Старик Файзулла подошел поближе. Бросилась ему в глаза цифра «38», а за ней стояли нули, запомнить, сколько их, старик не смог.

– Бывшие земли колхоза «Алга», таким образом, теперь наши. Вместо полуразрушенного аула мы построили, как вы сказали, Китай-город, покрыли асфальтом дороги, на которых стояла непролазная грязь, в почву, забывшую, что такое удобрения, с осени внесли органику и туки и рассчитываем на заброшенных вами полях получить нынче с гектара не одиннадцать, как ваш колхоз, а пятьдесят один центнер зерна, в будущем году – шестьдесят один и так далее, – похвастался китаец. Легким поклоном он дал знать, что прощается, и, повернувшись, пошагал к зданию администрации. Чиновник, который вышел первым, последовал за ним.

– Что же, мы так и не встретимся с господином Чжан Сином? – крикнул им вслед бригадир Мансур.

Старший из чиновников остановился, обернулся.

– Господин Чжан Син в отъезде, занят приобретением новых земель, – ответил он и после короткой паузы добавил: – От встречи с ним пользы вам не будет, я, кажется, все понятно объяснил.

Хыбайцы смотрели на чиновников, пока за ними не закрылась дверь. Головы поникли, лица омрачились. Да, здорово провел их китайский бизнесмен. Замминистра с Хакимом, то ли зная, чем дело кончится, то ли не ведая, что творят, усердно помогали ему, дескать, казна республики пополнится, а вы будете жить в квартирах со всеми удобствами. Квартиры получили, да не в них, оказывается, счастье. Ни руководители, ни аульный народ не учли силу привязанности к родной земле. Кто же знал, что нападёт такая тоска, коль прежде не пробовали пожить в городе...

– Ну что, повидались с господином Чжан Сином? – язвительно спросил старик Файзулла. – Аллах акбар земле нашей!

– А может, подождать, может, он завтра вернется?

– Толку-то от этого! Повторит то, что сейчас слышали.

– А давайте ворвемся туда и возьмем этих двоих в заложники! И потребуем... ну, как террористы, захватившие самолет.

– Думаешь, там их только двое?

– Для захвата заложников нужно оружие, с одними кулаками на них не погрешь.

– Тогда надо вернуться в город и вооружиться. Устроим восстание!

– Бросьте вы пустомелить! – рассердился старик Файзулла. – У вас что – дома автоматы на стенах висят? Еще услышат китайцы, миглом окружат и в каталажку посадят.

Кое-кого этот простодушный разговор рассмешил, кое-кто, поморщившись, махнул рукой, только у тех, кто помоложе, глаза загорелись.

– Есть Президент, правительство, международные организации, – сказал Знаток. – Можно, наверно, чего-нибудь добиться через них. Не может земля небольшого колхоза внутри района стать территорией иностранного государства. Подадим в суд. И победим!

– Ладно, от болтовни проку нет. Узнали, как обстоит дело, теперь подумаем. Обратимся к замминистру, надо, так и к президенту, – поставил точку в разговоре старик Файзулла. – Давайте тронемся обратно, а то вон вроде бы милицию и ОМОН начали подтягивать.

Хыбайцы встревоженно глянули в сторону административного здания – в самом деле, перед ним

появились люди в милицейской форме, а поодаль, за углом здания, скучковались солдаты в камуфляже, блестящих касках, с резиновыми дубинками в руках. Решив, что лучше держаться подальше от беды, бывшие сельчане быстренько погрузились в автобус и тронулись в обратный путь.

Один из сидевших впереди пассажиров внес предложение притормозить, если на выезде из Китайгорода увидят магазин. Повезло, увидели, и бригадир Мансур с двумя парнями живо сбегали туда, вернулись с пятью бутылками водки в руках. Оказалось – наша злодейка, стерлитамакская. Хорошая, значит, водка, раз и китайцы ее уважают. Мужчины тут же забыли о том, что пять минут назад стояли чуть не плача, лица посветлели. Сидевшие сзади заволновались, почему, мол, им не сказали, пяти бутылок на столько народу не хватит. Быстренько собрав деньги, отправили в магазин тех же проворных парней вторично. Они принесли еще пять бутылок и хлеб, колбасу на закуску.

Заливать горе остановились, выехав из аула, то бишь из Китайгорода, у тальниковых зарослей возле речки. Водитель расстелил на едва проклюнувшейся нежно-зеленой травке брезентовое полотенце, выставил стакан и прочую посуду, какая у него нашлась, и пошла гульба с непременно при выпивке разговорами наперебой. Вскоре разгорячились мужики, заговорили в них оскорбленные чувства – принялись ругать Хакима и замминистра и горевать в связи с несправедливостью жизни по отношению к башкирам, в прежние времена притеснявшимся русскими, а теперь вот обобраным китайцами. Накинулись на молодого экс-председателя, ты, мол, во всем

виноват, а бригадиру Мансуру, заступившемуся за него, надавали тумачков. Водитель автобуса, ссылаясь на то, что завтра ему работать, начал поторапливать разгулявшуюся компанию, даже демонстративно сел за руль, но его вытащили из кабины и в назидание влили в рот порцию водки.

Тут бригадир Мансур неожиданно и совершенно случайно разглядел неподалеку застрявший прошлой осенью «ЗИЛ». Он так удивился, что обида на товарищей и боль от тумачков сразу прошли. Когда он сообщил о машине спутникам, те долго не могли понять, о чем идет речь, и лишь после того, как Мансур, повторяя свое сообщение, указал рукой в сторону бывшего свекловичного поля, поняли: да ведь в самом деле их машина, их застрявший «ЗИЛ» стоит на том же самом месте!

Более никаких слов не понадобилось, все, можно сказать, враз вскочили и, словно поднявшиеся в атаку воины, кинулись к машине. Бежали, пыхтя, по чем-то засеянной недавно и оттого рыхлой земле, торопились, как будто эта единственная оставшаяся от колхоза «Алга» примета вернет им их поля, их аул, и они заживут прежней счастливой жизнью.

Добежали и встали как вкопанные: машина была обнесена невысоким, в половину человеческого роста штакетником. Долго стояли запыхавшиеся хыбайцы, выравнивая дыхание, даже протрезвев от удивления.

– Это кто же ее огородил?

– Кто же, как не китайцы. Не мы же.

– А зачем огородили?

– В издевку над колхозом «Алга». Это нам, нашему колхозу «памятник», – сказал Знаток.

– Вот мерзавцы! – вскипел бригадир Мансур и, взревев, пнул по ограде. Две штакетины переломились. Бригадир оторвал их, кинул в сторону и пролез через ограду внутрь. Другие восприняли это как указание «делай, как я», ведь Мансур был хоть и небольшим, а все же начальником, и устремились к машине, кто ломая пинками штакетины, кто перепрыгивая через ограду.

Подергали дверцу кабины – оказалась запертой. Подергали вторую – то же самое.

– На этой машине Хайдар ведь ездил?

– Он.

– Наверно, ключи у него.

– На фига они ему? Выкинул, поди.

Бригадир покричал было водителю автобуса, чтобы тот принес монтировку или что-нибудь, чем можно вскрыть кабину, но кто-то в нетерпении сумел высадить стекло дверцы.

– Отпусти тормоз! Давайте попробуем вытолкнуть ее!

– Не получится. Разве автобусом потянуть...

– Тогда у трактора сил не хватило, думаешь, автобус вытащит?

Все же предприняли попытку вытащить с помощью автобуса. Когда буксирный трос натянулся, человек двадцать облепили «ЗИЛ», попытались под «раз-два взяли!» раскатать его. Одни тянули спереди, другие толкали сзади, третьи уперлись в наполовину ушедшие в землю колеса. Машина чуть-чуть шевельнулась, но сдвинуть ее с места не смогли, сил не хватило. Передохнув, вновь облепили ее. Пыхтели, мешая друг другу, матерились, ругали китайцев. Зачем они ее пытаются вытащить, что будут с ней делать, если

вытащат – никто не думал. Слепой азарт и необъяснимая злость затмили их разум. Напрягались так, будто отступившись от этой поржавелой старушки совершат преступление.

В конце концов и автобус начал зарываться в землю. Разозленный водитель выскочил из кабины, отцепил трос. Вернувшись на место, принялся отчаянно газовать. Автобус насилу выбрался из вырытых колесами ям.

Мужики распрямили спины, кто обессиленно присел на корточки, кто прислонился к ограде. Немного отдышавшись, бригадир Мансур вдруг вскочил, схватил отодранную штaketину и саданул ею по ветровому стеклу «ЗИЛа». Со звоном посыпались осколки. Его поступок вновь был воспринят как руководство к действию. Молодые тоже повскакивали и приня-

лись крушить все, что попадалось на глаза. Разнесли всю ограду, разбили второе боковое стекло кабины, открыли и оторвали дверцы, затем – капот, расколошматили фары. Прodelали это с каким-то дикарским удовольствием...

Когда вернулись к месту, где остановились, все были трезвы и злы. Торопливо допили оставшуюся водку, забрались в автобус. Никто, отъезжая, не оглянулся на раскуроченный «ЗИЛ» – последнее, что осталось от колхоза «Алга».

Навстречу автобусу попала машина господина Чжан Сина. В соседнем районе он приобрел земли колхоза «Авангард» и возвращался в Китай-город в очень хорошем расположении духа. Однако пассажиры автобуса, у которых глаза были затуманены выпивкой и злостью, бизнесмена не узнали...

Перевод Марселя Гафурова

---

* *Алга – вперед.*

* *Кустым – обращение к младшему по возрасту.*

* *Хойенсе – радостная весть, за которую принято награждать принесшего ее подарком или деньгами.*

* *Агай-эне – братья; здесь – обращение к собранию.*

* *Манкурт – человек, лишенный памяти.*

* *Сырт – хребет.*

* *Егет – парень, здесь – молодой председатель колхоза.*